

Доминантная конъюнкция в изучении стратификационных порядков: позиции & диспозиции

Аннотация

В статье рассматривается социальное неравенство как определенная совокупность стратификационных порядков, постоянно воспроизводимых в каждом обществе. Доминантной в исследовании стратификационных порядков является конъюнкция “позиции & диспозиции”, позволяющая выявить и объяснить специфику поведения индивидов и общностей, действующих тем или иным образом, поскольку они представляют собой носителей определенного габитуса (как совокупности диспозиций). Таким образом, стратификационные порядки – это позиции, иерархически упорядоченные на основе некоего множества критериев неравенства, определяющих, какой из агентов (индивид, группа, страта) занимает высшее, а какой низшее место в социальном расслоении общества. Диспозиции же являются продуктом прошлого опыта и присутствуют в социальных агентах как схемы восприятия, мышления и действия. Положение общностей в социальной структуре формируется на основе всей совокупности стратификационных порядков, методологически и методически обосновываемых исследователем в рамках определенной теоретической парадигмы или подхода.

Ключевые слова: социальное неравенство, стратификационный порядок, конъюнкция “позиции & диспозиции”.

Социальное неравенство, которое социолог представляет в виде определенной совокупности стратификационных порядков, постоянно воспроизводится в любом обществе, причем характер воспроизводства непостоянен. Именно это обстоятельство поддерживает интерес исследователей к процессам стратификации, стимулирует поиск новых институциональных или

сугубо ситуативных оснований возникновения и утверждения новых разновидностей неравенства.

Представление о классовом стратификационном порядке, то есть порядке доминирования и господства, редуцирование социальной структуры к классовой структуре свойственно марксизму. Ныне же эмпирическое изучение классового неравенства основывается на достаточно строгих методических конструкциях Э.Райта и Д.Голдторпа. Наиболее интенсивно концептуальное развитие представлений о неклассовых стратификационных порядках происходило в рамках “понимающей социологии” М.Вебера, а также структурного функционализма, где обосновываются необходимость и неизбежность стратификации и где ее трактуют как неравномерное распределение материальных благ и общественного престижа, который определяется функциональной важностью (значимостью) позиции. В рамках функционального подхода предлагается считать базовым стратификационный порядок позиций, где в сами позиции вмонтированы разные по качеству и объему материальные и символические вознаграждения. При этом индивид или общность одновременно имеют разные статусы в рамках различных стратификационных порядков (доход, возраст, должность, происхождение, власть, образование, престиж и т.п.). Совокупный статус называют статусным (стратификационным) профилем. Индивиды с близкими статусными профилями образуют социальные страты, характеризующиеся определенной субкультурой, более частыми контактами между их членами, схожим стилем жизни, способом потребления, социальными практиками и более или менее выраженной дистанцией, отделяющей одну страту от другой.

В изучении стратификационных порядков, то есть в попытках социологов обнаружить и объяснить специфику индивидуального или группового поведения, безусловной доминантой является конъюнкция “позиции & диспозиции”. В этой разновидности научно-интеллектуальной практики есть несколько содержательных пластов, или измерений. Так, классические и современные интерпретации представлений о “социальном пространстве” констатируют существование конечного множества “мест”, дискретных локальностей, неодинаковых по смыслу и качеству и способных образовывать гетерогенные конфигурации путем сгущения или, наоборот, разрежения. Фактически здесь речь идет о разной размерности дискретности социального пространства, для определения которого и используется общий термин “позиции”. Иными словами, стратификационные порядки — это иерархически упорядоченные позиции.

К.Дэвис и У.Мур в своих работах, в свое время небезосновательно претендовавших на статус “теории стратификации”, настаивали на “вмонтированности” в такие позиции количественно и качественно неравноценных схем материального и символического вознаграждения. Отсюда, во-первых, индивиды, вступающие в самостоятельную жизнь, якобы имеют “перед собой” объективируемую мотивацию прилагать усилия для достижения выше и лучше вознаграждаемых мест работы, а также имеют большие или меньшие шансы занять привлекательные для них позиции либо обречены на непривлекательные. К тому же, согласно распространенному мнению, людям в той или иной степени дано ощущение собственной позиции в социальном пространстве (способность определять ее в терминах “выше–ниже”, “ближе–дальше”, “между” и т.п.), а также способны развивать осознание

ограничений и возможностей, свойственных их самолокализации или приписанной другими индивидами или институциями локализации.

По убеждению П.Бурдьё, позиции — это скорее констелляции различных по виду и величине капиталов, которые, собственно, структурируют и иерархически упорядочивают социальное пространство в целом, а индивидам предоставляют определенные шансы контролировать индивидуальное или групповое пространство: “...способность господствовать в присвоенном пространстве, прежде всего за счет присвоения (материальным или символическим путем) тех дефицитных благ, которые в нем распределяются, зависит от имеющегося капитала” [Бурдьё, 1993: с. 43]. Более того, констелляции капиталов (агрегированная позиция) инкорпорируются, то есть превращаются в систему личностных качеств, намерений и готовности действовать определенным образом: инкорпорированные позиции он и называет габитусом (множеством диспозиций).

В современной литературе нет концептуально убедительного описания процесса, благодаря которому позиции “заносятся в субъективность” (П.Бурдьё). Вероятно, оно невозможно в принципе — ссылками на первичную и вторичную социализацию все, преимущественно, и ограничивается. Однако это не мешает конъюнкции “позиции & диспозиции” быть доминантной как в выявлении и интерпретации стратификационных порядков самих по себе, так и в объяснении поведения индивидов и общностей, действующих определенным образом потому, что являются носителями определенного же габитуса (совокупности диспозиций).

Рассмотрим подробнее содержание каждой составляющей этой пары, хотя и в этом случае полностью абстрагироваться от конъюнктивности не удастся. Ведь такого рода невозможность обусловлена “природой” социальных артефактов. Достаточно напомнить, что, согласно К.Марксу, они являются “чувственно-сверхчувственными” образованиями, а Э.Дюркгейм, скажем, настаивал на том, что социология имеет своим объектом коллективные представления, то есть “объективируемые надличностные субъективности”.

Позиции

Как уже отмечалось, термин “позиции” используется в качестве своеобразного “зонтика” для определения дифференцированных по качеству дискретных частей социального пространства, а также объединений таких частей в результате операций классификации, таксономизации или кластеризации. Поскольку экономика является одной из значимых сфер жизнедеятельности общества, а занятость выступает решающим условием воспроизводства условий жизни индивидов, постольку в социологии под позициями чаще всего понимают позиции в существующем разделении труда. И имеют в виду несколько вещей, к которым этот термин уместно применять в единственном числе.

Так, мельчайшей позицией в разделении труда будет рабочее место. В экономической науке принято рассматривать рабочие места (позиции) отдельно от людей, которые их заполняют. По критерию сложности труда на отдельном рабочем месте все они образуют стратификационный порядок, поскольку требуют разной по содержанию и срокам подготовки претендентов на рабочие места. Характеристики рабочего места тоже трактуют как по-

зиции: профессия как отдельное измерение разделения труда на физический и умственный, должность в структуре властных полномочий организации или предприятия, отраслевая принадлежность рабочего места и, наконец, место в распределении собственности.

В социологии исследователь исходит из того, что позиции заполнены, и он наблюдает за индивидами на конкретных позициях, этих индивидов он потом объединяет в определенные категории — совокупности респондентов, занимающих схожие по ряду параметров позиции. Самой крупной единицей, которую исследователь получает после процедуры агрегации, для социологов является класс — более общих генерализаций в нашей дисциплине просто не существует. Однако очевидные идеологические значения и смыслы, которые ассоциируются с этим понятием, заставляют значительную часть специалистов использовать более нейтральный термин “страта”. Действительно, для К.Маркса, родоначальника конфликтной версии воспроизводства стратификационного порядка общества, классовая позиция гомологична классовой диспозиции — коллективному осознанию жизненной ситуации и готовности действовать с целью “переопределения” этой ситуации. Субъектом социального действия класс становится опосредованно, объединяясь в профессиональные союзы для отстаивания экономических прав, и в политические партии с конкретной программой (идеологией) для защиты прав гражданских. Иными словами, структуры оправдания и обоснования (диспозиции) выступают ближайшим основанием социального действия.

Дж.Голдторп, наоборот, в своих теоретических и эмпирических работах оставляет без внимания конъюнктивность позиций и диспозиций, полностью сосредоточиваясь на структурном неравенстве жизненных шансов тех, кто принадлежит к конкретным классам. Тщательная фиксация характеристик позиции, которую индивид занимает в общественном и технологическом разделении труда, а также отработанная методика группировки схожих позиций придает выделяемым им классам чисто классификаторский вид и характер. Это — позиции, с которыми связаны определенные неравенства, подлежащие установлению в ходе целенаправленно спланированных исследований. Структура неравенств, а не причины действия отдельных индивидов или общностей является предметом наблюдения и изучения.

Однако конъюнкция “позиции & диспозиции” легко прочитывается в понятии “статус”. Широкая вариабельность значений и определений термина в современной научной литературе уже мало кого сегодня беспокоит. Едва ли не общепризнанным является эпистемологический релятивизм, согласно которому о явлениях и процессах можно рассказывать по-разному (в соответствии с выбранной концептуальной парадигмой), а потому инструментальный характер интерпретации уже почти никто не отрицает. Диапазон задается двумя полярными трактовками статуса: а) как места индивида (группы) в распределении прав и обязанностей на разных уровнях организации социума (государство, предприятие, семья, круг друзей); б) как позиция на некой сконструированной шкале социального признания, то есть коллективных представлений о престиже, уважении, достоинстве и чести.

Юридическое толкование статуса индивида, которым определяется его правовое положение в обществе, имеет, пожалуй, самую долгую историю [Сапов, 1990: с. 331]. Но актуальность этого трактования не утрачена, поскольку явления эмиграции, временной работы за пределами националь-

ных государств становятся все более массовыми. Отсюда и проблематика статуса как доступа к экономическим, политическим и гражданским правам остается злободневной и даже заостряется во многих странах, например, Европейского Союза. Кроме того, легитимация, то есть обретение статуса (включения в существующие стратификационные порядки) необходимы также новым социальным движениям и общностям, которые раньше дискриминировались, а то и преследовались. Отсюда и постоянство интереса к подобным темам и сюжетам со стороны исследователей и правительственных структур национального и наднационального уровней.

В социологии наиболее влиятельной остается традиция, заложенная М.Вебером во фрагменте “Класс, статус, партия”, который был опубликован в посмертно изданной книге “Хозяйство и общество” (“Economy and Society”) [Вебер, 1999]. Влиятельность, впрочем, не мешает тому, что специалисты не оставляют попыток по-новому истолковать соотношение “класс” и “статус”. Дело в том, что о соотношении двух понятий речь идет еще в двух, подобно предыдущей, незавершенных и окончательно не доработанных М.Вебером фрагментах книги (“Статусные группы и классы” и “Распределение власти в политическом сообществе”), новое прочтение и сравнение которых может выявить скрытые смыслы трактовки классиком социологии специфики социального как предмета науки [Gane, 2005].

Однако основные положения хорошо известны, и здесь следует просто напомнить их. Для М.Вебера статус является элементом социального порядка, то есть позицией в распределении чести и славы (в другой формулировке — престижа). Или иначе: статус является социальной, со стороны легитимных или авторитетных субъектов, оценкой чести и достоинства. При этом статусные группы являются настоящими сообществами (“реальными группами”), в основе которых лежит четко осознанное ощущение принадлежности — в отличие от классов, как сконструированной исследователем общей позиции определенного количества индивидов на рынке труда со схожими шансами получения дохода. В нашем контексте не столь существенна трактовка М.Вебером статуса еще и как “состояния”, а также тенденции статусных групп к “закрытости”. Тогда как процесс воспроизводства статусных групп как элементов социального стратификационного порядка путем культивирования отдельного стиля жизни (фактически — соответствующих практик потребления и проведения свободного времени), напротив, имеет к нему непосредственное отношение.

Те, кто принадлежит к статусной группе, способны четко воспринимать ее границы, различая “своих” и “чужих”: те, кто имеет такой же статус, являются лицами уважаемыми, достойными, дружественными. При этом воспроизводство собственного статуса является одновременно воспроизводством группового, фактически имея своей целью не столько индивидуальное благо, сколько коллективное. Современный исследователь уверен, что и Р.Мертон в своих работах по истории науки фактически рассматривал научные коллективы как статусные группы [Barnes, 2007].

Большинство учебников по социологии содержат введенное Р.Линтоном различение статусов, приписываемых социальным происхождением, полом, возрастом, семейным положением, а также статусов, которых достигают индивидуальными усилиями. Согласно П.Бергеру и Б.Бергеру, достигаемые статусы — это объективируемые в позиции цели амбициозных инди-

видов улучшить свое положение в социальной иерархии. В стереотипно-идеологическом толковании американское общество является обществом открытых возможностей, в котором можно достичь всех без исключения социальных статусов [Бергер, 2004: с. 173].

Основные интуиции и мотивы относительно статуса как позиции и диспозиции представлены также в современной российской социологической литературе. В. Радаев и А. Шкаратан отмечают, что социальный статус детерминирован престижем профессии, уровнем доходов, продолжительностью и качеством образования, объемом властных полномочий и размером собственности, то есть объединяет позиционные и диспозиционные составляющие конъюнкции [Радаев, Шкаратан, 1996: с. 28]. Социальный статус, по мнению В. Ильина, — это совокупность прав и обязанностей, социальных ожиданий, форм и объемов материального и морального вознаграждения, устойчивых нормативных форм поведения. Статус формируется на основе закона, административных актов, обычаев, морали, религии, общественного мнения и т.п. [Ильин, 2000]. Автор предлагает размежевывать реальный статус и статус на бумаге. Совокупность прав и обязанностей, существующих в формальных нормативных актах, но не выполняющихся в реальной общественной жизни, является статусом на бумаге. Реальный же статус проявляется в виде повторяемых практик. Как отдельные индивиды, так и общности при схожих обстоятельствах ведут себя похожим образом, регулярно воспроизводя однотипные формы поведения — социальные практики. Напомню, что и М. Вебер допускал наличие одинаковых коллективных реакций индивидов на одинаковую ситуацию на рынке труда — классовый отклик на общие условия и условности существования. И хотя предложенное В. Ильиным различие формального и реального статуса опирается на реальные наблюдения (скажем, в исследованиях малых групп давно обнаружен и описан феномен формального и неформального лидерства), тем не менее полезно оно скорее в пропедевтических целях, а не в организации изучения стратификационных порядков общества.

Если статус репрезентирует структурный аспект гетерогенности социального пространства, то его динамический аспект представлен понятием “роль” — существенным, согласно Р. Линтону, элементом культуры. То есть статусы — это позиции, в которые вмонтированы схемы ожиданий и действий в рутинных повседневных ситуациях — некая сумма культурных образцов (установки, нормы, ценности, правила поведения). Каждому статусу соответствует роль или несколько ролей (ролевой комплекс), а повседневное взаимодействие человека с другими является перманентным изменением позиции и ролей [Линтон, 1999: с. 32]. Иначе говоря, в данной традиции структурного анализа “позицией” фактически признается “статусно-ролевой комплекс”, который, собственно, и обуславливает поведение индивидов, являющееся производным от такого комплекса в типичных повседневных бытовых и трудовых ситуациях.

Конечно, такая производная имеет вероятностный характер, ведь практически всегда имеются отклонения от нормы или правила — в сосуществовании людей гармонии отведено не больше пространства, чем дисгармонии. Отсюда логично сделать почти тривиальный вывод о том, что разные типы статусно-ролевых комплексов с различной жесткостью приписывают форму и последовательность действий конкретного субъекта (совокупности

субъектов). Не в последнюю очередь и в результате селективного отношения индивидов к содержанию предписаний: они не только осуществляют отбор, но и вносят дополнения к ним, прибегая к своего рода социально-структурной самодеятельности. Однако выяснение того, как это происходит, требует отдельного исследования. Здесь следует еще раз повторить, что статусно-ролевой комплекс как “позиция” имеет одновременно видимый и невидимый характер, ведь без доступного для эмпирического наблюдения действия субъекта о нем приходится судить по ограниченному количеству опосредованных признаков.

Диспозиции

Только в военном деле термин “диспозиция” (лат. *dispositio* — расположение) в основном касается объектов: так говорят о дислокации военных соединений либо о подготовленном плане их размещения на суше или на море. Однако и здесь речь идет не только о структурной организации, но и о готовности и порядке возможного действия. В литературоведении этот термин используют для характеристики организации художественного произведения, а в правовых науках он означает часть правовой нормы, которая содержит права и обязанности субъекта действия. В начале XX века близкий по значениям и смыслам к диспозиции термин “социальная установка” утверждается в социологии и социальной психологии.

Ниже, в кратком обзоре эволюции этого термина, я буду опираться на материалы учебного пособия Г. Андреевой “Социальная психология”, первое издание которого увидело свет в 1980 году, а позже неоднократно переиздавалось [Андреева, 2006: с. 375]. Историю понятия принято излагать, начиная с классического текста В. Томаса и Ф. Знанецкого “Польский крестьянин в Европе и Америке”. В предисловии к первому тому авторы формулируют методологические предпосылки, из которых они исходят и которых будут придерживаться в анализе собранного эмпирического материала. Для них и, соответственно, для социологии в целом общество является неделимым единством повседневных ситуаций и осознаваемых или неосознанных навыков и готовности действовать для того, чтобы изменить ситуацию или приспособиться к ней. Дихотомия “объективное–субъективное” такую неделимость элиминирует, что и подтверждает ее очевидный вред для дисциплины.

Для характеристики объектов, образующих конкретные ситуации, В. Томас и Ф. Знанецкий предложили термин “социальная ценность” — то, по поводу чего между индивидами одной группы или между группами нет расхождений в интерпретации содержания и значения для индивидуальной и коллективной жизни, то, что “определяет ситуацию”. Ориентации индивидов на социальные ценности они, напротив, назвали “аттитюдами” (калька с английского “attitude”, которое обычно переводят как “социальная установка”). То есть это не только и не столько состояние сознания или психологическое состояние, сколько реакция на объекты ситуации (социальные ценности) в виде готовности действовать определенным образом, в соответствии с нормами, ограничениями и образцами поведения, усвоенными и выученными в процессе социализации. По мнению Томаса и Знанецкого, “аттитюды” останутся непонятными образованиями, если абстрагироваться от их укорененности в ситуациях, в которых находятся индивиды. При этом ситуации для

них — это не статическое состояние, а всегда и исключительно ситуации действия. Так называемая “теорема” В.Томаса выражает неразрывность связи ценностей и аттитюдов в ситуации действия — то, что определяется как реальное, имеет реальные последствия. Наукой о такой связи и является социальная психология.

Взаимодействие европейской (Ф.Знанецкий) и американской (У.Томас) традиций всколыхнуло в США волну исследований, направленных на измерение и эмпирическое изучение как “ценностей”, так и “социальных установок”. Современный исследователь, к примеру, предполагает, что методологическое введение написано в основном Ф.Знанецким, а издание первого тома на английском языке едва ли не впервые знакомит американских социальных ученых с проблематикой ценностей как регулятивов социального действия [Чеснокова, 2008]. В 1935 году Г.Оллпорт написал обзорную статью, основываясь на материалах опубликованных в научной периодике отчетов, и насчитал 17 определений аттитюда. Тогда, развивая собственную психологическую концепцию личности, он говорил об индивиде как носителе определенных неоднородных характеристик, черт (trait), а позже называл их “диспозициями”. Последние образовывали некую иерархическую структуру: кардинальные диспозиции, центральные и вторичные диспозиции, которые формируются постепенно и изменяются с течением времени. Смещение внимания на структуру личности ослабляло связь с “ситуациями”, хотя и не отрицало ее полностью. Некоторые психологи (М.Смит) в структуре аттитюда выделяли когнитивный компонент (осознание объекта социальной установки); аффективный компонент (эмоциональная оценка объекта, проявление ощущения симпатии или антипатии к нему); поведенческий (конативный) компонент (последовательное поведение по отношению к объекту).

Отдельную отрасль научных поисков превратилось и измерение аттитюдов с применением шкал. Одну из первых предложил Л.Герстоун в 1927 году в статье “Измерение аттитюдов”, а двумя годами позже — в книге (в соавторстве) под тем же названием. В 1932 году Р.Лайкерт публикует статью “Техника измерения аттитюдов” со схематикой шкалы типа “кафетерий”. Герстоуновские и лайкертовские шкалы весьма распространены в массовых опросах, хотя позднее в своем творчестве они применяли более сложные методы, в частности факторный анализ.

Как убедительно демонстрирует Г.Андреева в своем учебнике, совершенствование техник изучения ментальных и эмоциональных состояний в рамках социально-психологического подхода к личности привело к потере значительных фрагментов социального контекста, которые не удавалось ни учесть, ни сколько-нибудь полно реконструировать в пределах лабораторных экспериментов и тестов. Вместе с тем собранный богатый эмпирический материал требовал новых теоретико-методологических перспектив. Все более острой становилась потребность в создании социологической концепции регуляции социального поведения. В советской социологии соответствующая диспозиционная концепция была разработана В.Ядовым.

Различные по качеству и содержанию аттитюды организованы в иерархическую структуру: “... человек обладает сложной системой различных диспозиционных образований, которые регулируют его поведение и деятельность. Эти диспозиции организованы иерархически, то есть можно обо-

значить их низшие и высшие уровни” [Ядов, 1975]. Едва ли не самое важное состоит в том, что постулируется соответствие структурной композиции ситуаций и структурной композиции субъекта. Иерархию ситуаций (генерализация некоего множества позиций) образуют четыре уровня, различающиеся по критерию постоянства или по степени институционализации. Низший уровень представлен предметными ситуациями, которые быстро меняются и относительно кратковременны. Следующий уровень — ситуации групповых действий и взаимодействий как следствия принадлежности индивида к реальным сообществам и группам. Более устойчивые обстоятельства и схематизмы, а также образцы деятельности, имеющиеся в сфере труда, досуга, быта, образуют третий уровень ситуаций. Наконец, наиболее долгосрочные, институционализированные условия и условности деятельности присущи ситуациям функционирования индивидов на уровне экономической, политической и социальной структур общества.

Каждому уровню ситуаций соответствует и уровень потребностей: ситуации как репродуцируют потребности, так и служат ресурсами их удовлетворения. Отсюда иерархия потребностей: элементарные предметно-воспроизводимые в ближайшем социальном окружении; групповые потребности, которые генерируются и удовлетворяются в малых группах; потребности уровня сфер труда, досуга, культуры, потребления в широком смысле слова; потребности уровня обобщенных структур общества. Диспозиции также формируются при наличии потребностей в соответствующих ситуациях, что в лабораторных условиях показал Д.Узнадзе [Узнадзе, 1966].

В концепции В.Ядова, таким образом, четыре уровня диспозиций:

- а) первый уровень образуют *элементарные фиксированные установки*, которые формируются на основе витальных потребностей и в простых ситуациях, в условиях семейного окружения и в низших “предметных ситуациях”;
- б) второй уровень — более сложные диспозиции, которые формируются на основе потребности человека в общении и реализуются в малой группе, соответственно — *социальные фиксированные установки*;
- в) третий уровень фиксирует общую направленность интересов человека относительно конкретной сферы социальной активности, или *базовые социальные установки*;
- г) четвертый, высший уровень диспозиций образуется системой *ценностных ориентаций личности*, которые регулируют ее поведение и практики в наиболее значимых ситуациях ее социальной активности.

Иерархия диспозиционных образований выполняет функцию регуляции поведения личности. На первом уровне формируются непосредственные реакции субъекта на актуальную предметную ситуацию (*поведенческий акт*); второй уровень диспозиций регулирует *поступок*, который осуществляется в обычных, повседневных ситуациях; третий уровень регулирует уже некоторые *системы поступков*; и наконец, четвертый уровень регулирует целостность поведения, то есть *собственно деятельность* личности [Ядов, 1975].

В современной научной литературе воспроизводятся и традиции понимания статуса как диспозиции. Об этом подробно говорится в содержательной монографии В.Карасика “Язык социального статуса” [Карасик, 2002]. Для автора статус — это прежде всего общественная оценка, устанавливающая статусный стратификационный порядок. При этом статусная оценка

предполагает: а) стратификационную оценку — определение статуса в системе социальной стратификации; б) дистанционную оценку — статусная позиция высшего по уровню, низшего и равного человека; в) ролевую оценку — соответствие поведения индивида статусной норме [Карасик, 2002: с. 70]. Статусная оценка (Э.Дюркгейм сказал бы “коллективное представление”) формирует определенные ожидания в плане возможного поведения индивида — некий набор различных по содержанию позиций.

Однако радикальное переосмысление конъюнкции “позиции & диспозиции” находим в творчестве П.Бурдьё, в частности в рамках его концепции габитуса. В изложении его точки зрения я буду опираться как на переводы из его работ, так и на содержательную статью о габитусе в структуре социологической теории энергичного пропагандиста исследовательских практик французского социолога в постсоветском пространстве Н.Шматко [Шматко, 1998]. Разрыв со структурализмом — наиболее влиятельным интеллектуальным движением на европейском континенте в 50–70-е годы прошлого века — у него произошел в форме представлений и утверждений относительно устройства социального мира, фактически развернутых в теорию. Общепринятым в структурализме, как известно, был тезис об обусловленности социальными структурами действий индивидов и их восприятия ситуации. Сторонник структурализма смотрел на мир под углом зрения структур (позиций) и соответственно интерпретировал то, что фиксировал: индивиды были эпифеноменами структуры. П.Бурдьё предложил изменить место нахождения наблюдателя: не с точки зрения структур, а с точки зрения субъекта. Тем самым субъекту возвращался потенциал активистского отношения к миру, он переставал быть марионеткой “правил”, “моделей”, “структур” и становился, как предпочитал говорить сам П.Бурдьё, агентом, действующей субстанцией [Бурдьё, 1994: с. 21–23].

Здесь важно принципиальное отличие от позиции М.Вебера: действие генерируется и структурируется не шансами, возможностями, ценностями или целями, существующими вне агентам и якобы предъявляемыми равномерно всем, а изначально существующим в агенте, органично имманентным ему множеством операторов активности [Бурдьё, 2001: с. 122–124]. То, что полностью аннигилирует пассивность субъекта, что превращает его в агента, — это и есть габитус. И тогда в поле зрения социолога оказываются не структуры, не готовые к действию индивиды, а их практики, намерения или установки, реализуемые в пространстве и времени. Книга первая исследования Бурдьё “Практический смысл” называется “Критика теоретической социологии” — той социологии, что абстрагируется от практик социальных агентов (индивидов, их групп, классов), от практического отношения их к миру.

Габитус, таким образом, является определенным множеством когнитивных и мотивационных структур. Почти исчерпывающее определение дает соответствующая цитата: “Детерминации, связанные с особым классом условий существования, вырабатывают *габитусы* — системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, настроенные функционировать как структурирующие структуры. То есть как принципы, которые порождают и организуют практики и представления, которые могут быть объективно адаптированы к их цели, однако не предполагают осознанной направленности на нее и непрямого овладения необходимыми операциями по ее достижению. Объективно “следующие правилам” и “упо-

рядоченные”, они, тем не менее, ни в коем случае не являются продуктом подчинения правилам и, таким образом, хотя и коллективно управляемые, не являются продуктом организующего влияния какого-нибудь дирижера” [Бурдьё, 2001: с. 102].

Относительно того, как упорядочено это множество диспозиций, больше узнать ничего нельзя, поскольку акцент смещен в иной контекст. В сугубо генетическом плане практическая деятельность людей завершается двумя объективациями. Одна — в виде социальных институтов (более и менее общих условий и условностей сосуществования, материализованных практик), некоей внешней, всегда присутствующей необходимости, от которой невозможно абстрагироваться и требований которой не избежать. Другая — в виде габитуса, своеобразных индивидуальных и коллективных ментальных структур с высоким энергетическим потенциалом действия и принуждения в отношении индивидов. Между ними, согласно П.Бурдьё, имеется соответствие: “позиции” (в этом широком смысле) “обладают” индивидами, а поскольку структуры занесены, имплементированы в субъективность, то индивиды, в свою очередь, “взволнованы” позициями, они на них реагируют.

Условия существования (объективируемые практики) предъявлены агентам как необходимости, однако совсем не обязательно, чтобы индивиды их мыслили или воспринимали именно как необходимости, о них зачастую либо не знают, либо не чувствуют (они “естественны”). Важнее другое: они задают определенный стиль жизни. Во Франции, говорит П.Бурдьё, люди, которые пьют шампанское, с большей вероятностью будут покупать старинную мебель, играть в гольф, заниматься верховой ездой, посещать театры, нежели те, кто пьет виски или красное вино. Это все проекции габитуса на разные социальные поля.

Таким образом, габитусы являются продуктом истории (прошлого опыта) и присутствуют в социальных агентах (индивидах и их объединениях) как схемы восприятия, мышления и действия. Именно посредством их реализуется континуальность истории: прошлое заносится в сегодняшнее и пытается присутствовать в будущем. Если бы множество диспозиций было сугубо инкорпорированным прошлым, то массовым “здесь и сейчас” стало бы явление гестерезиса (инерционности, запаздывания, архаичности; в качестве примера П.Бурдьё называет Дон Кихота) [Бурдьё, 2001: с. 124].

Именно это, кажется, имел в виду в одном из своих интервью Л.Тевено. В близком к оригинальному тексту пересказе его аргументация сводится к следующему. Среди трудностей, с которыми мы сталкиваемся при переводе французских терминов на английский язык, есть перевод понятия “dispositifs”. Его очень трудно переводить (хотя раньше его использовал М.Фуко), во французском это очень емкое слово, поскольку содержит элемент “dispose” (“склонность”) и, следовательно, имеет один корень с термином “disposition”. Таким образом, французское “vous etes dispose a faire quelque chose” означает “вы склонны сделать что-нибудь”. Бурдьё исходил из ссылки на то, что диспозиция инкорпорирована в индивиде, привязана к нему в течение всей жизни. Это означает, что она неизменна во всех ситуациях и не слишком динамична. Без сомнения, это очень хороший замысел для теории воспроизводства, однако он представляет человека в очень бледном свете, поскольку, согласно этой теории, люди просто реализуют одну и ту же схему во всех жизненных ситуациях. Л.Тевено же предлагает противоположное

основание: в рамках одного порядка/расположения [dispositif] (то есть структуры ситуации) существует великое множество диспозиций/склонностей [dispositions] [Тевено, 2006].

Впрочем, авторитетный исследователь существенно упрощает позицию П.Бурдьё. Хорошим бы теоретиком оказался последний, поручи он габитусу незатейливую работу по редукции новых обстоятельств к устаревшим и неизменным схемам восприятия, интерпретации и реакции! В действительности габитус — насколько инстанция воспроизводства, настолько же “искусство изобретательности” по выражению ученого [Бурдьё, 2001: с. 108]. Множество диспозиций расширенно воспроизводится в ходе взаимодействия с проблемной ситуацией, обнаруживающей спонтанные характеристики габитуса, которые порождают модифицированные практики, не порывающая с исторической традицией. Решение проблемных ситуаций находится, а соответствующие практики инкорпорируются — так переносятся и заново устанавливаются границы возможного, невозможного и вероятного; того, что “для нас” и не “для нас”.

Следовательно, Л.Тевено либо невнимательно читал П. Бурдьё, либо забыл его концепцию. Для последнего габитус является открытой системой диспозиций, он неоднократно говорил об агентах, что они имеют “чувство игры”. Они играют (проигрывают свои практики) в реальных ситуациях и, одновременно, обогащают габитус, усваивая практики. Примером для П.Бурдьё служит теннисист, который в результате интенсивных тренировок в игре с соперником успеваеет к мячу и попадает по нему чаще, чем это могло бы быть случайным образом. Кроме того, габитус — это и потенциал возможного, такая система диспозиций, которая открыта не только для нынешнего, но и для будущего. Именно в таком контексте он является “искусством изобретательства”.

В “Практическом смысле” читаем: “Таким образом, понять, что такое габитус, можно только в случае соотнесения социальных условий, в которых он формировался (вырабатывая при этом условия своего формирования), с социальными условиями, в которых он был “приведен в действие”, то есть необходимо провести научную работу по установлению связи между двумя состояниями социального мира, которые реализуются габитусом и устанавливают эту связь путем практики и в практике” [Бурдьё, 2001: с. 109].

У П.Бурдьё агенты не столько зависят от внешних, “объективных” обстоятельств, сколько от смысла, которым они наделяют свое прошлое, нынешнее и будущее. Здесь легко угадывается и сугубо французская традиция (Э.Дюркгейм, М.Мосс), и взгляды Ф.Знаецкого и У.Томаса. Непрерывная активность габитуса не оставляет ему ни единой возможности для лицемерия, габитус не “представляет себя другим” (И.Гофман) и не манипулирует представлениями о себе. Объективизм, трактующий социальный мир как спектакль, — это та теоретическая позиция, от которой П.Бурдьё старается как можно четче отмежеваться: так начинается третья глава “Структура, габитус, практики” книги “Практический смысл” [Бурдьё, 2001: с. 100].

Итак, отличия в интерпретации некоторых концептуальных представлений по поводу социальной стратификации, казалось бы, придают всей их совокупности выраженно эклектический характер. Но бесспорно и другое — многообразие традиций, подходов, направлений и школ расширяет теоретико-методологическую базу анализа, а также возможности конструирования

ния более совершенных техник исследования. Как отмечает В.Ядов в преамбуле своей недавней работы, “множественность теоретических подходов — это не убыточность, а богатство социологии” [Ядов, 2006]. Последнее как раз и означает, что релевантной стратегией изучения стратификационных порядков становится их многомерный анализ в контексте концептуальной триады “позиции & диспозиции & практики (деятельность)”.

Литература

- Андреева Г.М.* Социальная психология [Электронный ресурс] / Г.М. Андреева. — М. : Аспект Пресс, 2006. — Режим доступа : <http://www.vuzlib.net>.
- Бергер П.* Социология: биографический подход / П. Бергер, Б. Бергер // Личностно-ориентированная социология. — М. : Академ. проект, 2004. — С. 25–396.
- Бурдые П.* Начала. Choses dites / Бурдые П. — М. : Socio-Logos, 1994. — 288 с.
- Бурдые П.* Практический смысл / Бурдые П. ; [отв. ред. пред. и послесл. Н.А. Шматко]. — СПб. : Алетейя, 2001. — 562 с.
- Бурдые П.* Социология политики / Бурдые П. [пер. с франц. ; под. ред. ; сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко]. — М. : Socio-Logos, 1993. — 336 с.
- Вебер М.* Основные понятия стратификации / Вебер М. // Человек и общество : хрестоматия ; под. ред. С.А. Макеева — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 1999. — С. 85–107.
- Ильин В.* Теория социального неравенства (структуралистско-конструктивистская парадигма) [Электронный ресурс] / В. Ильин. — Socnet, 2000. — Режим доступа : <http://www.socnet.narod.ru>.
- Карасик В.И.* Язык социального статуса / В.И. Карасик. — М. : ИТДГК “Гнозис”, 2002. — 333 с.
- Линтон Р.* “Статус и роль” / Линтон Р. // Человек и общество : хрестоматия / под ред. С.А. Макеева. — К. : Ин-т социологии НАН Украины, 1999. — С. 29–37.
- Лоран Тевено.* Интервью с Лораном Тевено [Электронный ресурс] // Экономическая социология. — 2006. — Т. 7, 1. — С. 6–14. — Режим доступа к журн. : <http://ecsoc.msses.ru/>
- Радаев В.* Социальная стратификация : учеб. пособие / В. Радаев, О. Шкаратан. — М. : Аспект-пресс, 1996. — 318 с.
- Сапов В.В.* Статус социальной теории / Сапов В.В. // Современная западная социология : словарь. — М. : Политиздат, 1990. — С. 331–332.
- Узнадзе Д.И.* Экспериментальные основы исследования установки / Узнадзе Д.И. // Психологические исследования. — М., 1966.
- Чеснокова В.Ф.* Язык социологии [Электронный ресурс] : лекция 8 / В.Ф. Чеснокова // Флориан Знанецкий. Ценности и установки. — 2008. — Режим доступа : www.polit.ru/science/2008/11/10/pol.html.
- Шматко Н.А.* “Габитус” в структуре социологической теории / Н.А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. — 1998. — Т. I, 2. — С. 59–69.
- Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения личности [Электронный ресурс] / В.А. Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. — М., 1975. — Режим доступа : <http://www.vuzlib.net/beta3/html/1/25714/25878/>
- Ядов В.А.* Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций : курс лекций / В.А. Ядов. — СПб. : Интерсоцис, 2006. — 112 с.
- Barnes Barry.* Catching up with Robert Merton: Scientific Collectives as Status Groups / Barry Barnes // Journal of Classical Sociology. — 2007. — Vol. 7, 2. — P. 179–191.
- Gane N.* Max Weber as Social Theorist / Nicholas Gane // European Journal of Social Theory. — 2005. — Vol. 8, 2. — P. 211–226.